

In memoriam

УДК 001.32:930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

«По живому следу...»:
Мария Рашковская (04.06.1944 – 31.12.2023) –
архивист, историк мысли и культуры

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженье от победы
Ты сам не должен отличать.
Борис Пастернак

Евгений Б. Рашковский

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой краткое жизнеописание и анализ наследия Марии Аркадьевны Рашковской (1944–2023), замечательного архивиста и археографа, посвятившего полвека работе в стенах Российского государственного архива литературы и искусства. Большая часть ее трудов связана с мастерским научным описанием личных фондов выдающихся деятелей отечественной культуры: от соратников Л. Н. Толстого до Давида Самойлова. Однако центром ее исследований и археографических трудов было рукописное наследие Бориса Пастернака. Марией Аркадьевной были открыты, изучены, тщательно археографически обработаны и введены в российский и мировой культурный оборот сотни пастернаковских документов, подчас не только затерянных в личных или учрежденческих фондах, но и в грудах макулатуры (переписка, эссеистика, «Петербургская проза»). Без ее трудов, опубликованных у нас в России и за рубежом, едва ли возможно представить себе жизнь, творчество и круг общения великого поэта.

Особой областью трудов и исследований Марии Аркадьевны были также обработка, описание и издание материалов христианского мыслителя, мемуариста и искусствоведа Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954). Археографическая деятельность Марии Аркадьевны рас-

пространилась в последние годы ее жизни и на область мультимедийных публикаций. Глубина ее духовного и нравственного склада отразилась не только на характере ее трудов, но и на сердечности ее отношений с коллегами.

Ключевые слова: М.А. Рашковская, РГАЛИ, МГИАИ, археография, поэзия, Б.Л. Пастернак, С.Н. Дурылин, А.А. Зимин, Д.С. Самойлов, Польша

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Рашковский Е.Б. «По живому следу...»: Мария Рашковская (04.06.1944 – 31.12.2023) – архивист, историк мысли и культуры // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 231–245. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

**“On a live trail...”:
Maria Rashkovskaya (04.06.1944 – 31.12.2023) –
an archivist, a historian of thought and culture**

Evgenii B. Rashkovskii

*Institute of World Economy and International Relations (IMEWO),
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Abstract. The article is a short biography and the analysis of the heritage of Maria Arkadievna Rashkovskaya (1944–2023), a prominent archivist and archaeographer, who devoted half of the century to the work at the Russian State Archives of Literature and Art. The majority of her writings are masterful scientific descriptions of the personal funds of outstanding figures of Russian culture: starting with L.N. Tolstoy's associates and ending with David Samoylov. And yet, the center of her research and archaeological works was the manuscript heritage of Boris Pasternak. Maria Arkadievna discovered, studied, archaeographically processed in detail and introduced into the Russian and international cultural circulation hundreds of Pasternak's documents which, in some cases, were not only misplaced in personal or institutional funds, but were also lost in waste paper piles (correspondence, essays, the “Petersburg Prose” miscellany). Without her writings, published in Russia and abroad, it is hardly possible to imagine the life, the creative activity and the great poet's circle if contacts.

Another vital area of Maria Arkadievna's work and research was the processing, description and publication of the materials of the Christian thinker, memoirist and art historian Sergey Nokolaevich Durylin (1886–1954).

In her last years of life, Maria Arkadievna's archaeological activity also spread throughout the field of multimedia publications.

The depth of her spiritual and moral fabric has not only affected the nature of her work, but also the warmth of her relationships with the colleagues.

Keywords: M.A. Rashkovskaya, RGALI, MGIAI, archaeography, poetry, B.L. Pasternak, S.N. Durylin, A. A. Zimin, D. S. Samoylov, Poland

The article was submitted for publication 12.12.2024;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Rashkovskii, E.B. (2025), “‘On a live trail...’: Maria Rashkovskaya (04.06.1944 – 31.12.2023) – an archivist, a historian of thought and culture”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 231–245, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

«Сегодня мы исполним грусть его...»

Действительно, это был день какой-то светлой печали. В этот день, 4 июня 2024 г., Марии Аркадьевне Ращковской, архивисту и ученому-пастернаковеду, исполнилось бы 80. И в этот день коллектив Дома-музея Бориса Пастернака пригласил ее родных, друзей и коллег отметить годовщину.

Материалы встречи и легли в основу настоящей статьи.

* * *

Разумеется, человек (и в особенности – человек глубокий и творческий) не может быть сведен ко внешним своим предпосылкам, к своему background’у. Но все же некоторое представление о последнем, на мой взгляд, немаловажно для понимания духовного и творческого облика Марии.

Как бы вся коренная Россия была в числе ее предков: крестьяне Будковы¹, купцы Романиновы, дворяне Литвиновы, разночинцы Горбуновы. Родители Марии – агрономы-селекционеры, вынужденные жить, как и положено было ссылочным, за 101-м километром от Москвы (дер. Фофанка, Александровский район Владимирской области). Отец, Аркадий Феодосиевич Будков (1907–1974), был учеником и последователем замечательного генетика-селекционера Петра Ивановича Лисицына (1877–1948), противника лысенковских «новаций»; мать, Любовь Владимировна Горбунова (1919–1989), всю жизнь трудилась над выведением устойчивых сортов пшениц для неплодородных земель Центральной полосы России. Несомненно, что своей непримиримостью Стране и Науке, а также и любовью к Поэзии Мария во многом была обязана своим родителям и особенностям домашнего воспитания.

¹ Будкова – девичья фамилия Марии.

В семье читались прежде всего Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Снобизм символистов и их эпигонов в отношении Некрасова она считала вещью недостойной.

Кстати, и своей любовью к земле она, возможно, также была обязана родителям. На склоне лет, короткое время, она оказалась владелицей дачного участка на берегу речки Лутосни (блоковские места!)²; надо было видеть, как увлеченно и успешно она – если вспомнить повесть Вольтера «Кандид» – «возделывала свой сад» и как радовалась близости вечных своих «соседей»: Чайковского, Менделеева, Блока... Она великолепно фотографировала растения: и дикорастущие, и садовые.

Родители Марии надорвали свое здоровье в условиях ссылки и войны: и армия, и тыл нуждались в хлебе. Мария, по рассказам ее матери, родилась в тот момент, когда та еле-еле вернулась в дом после полевых работ... Родителям помогали воспитывать Марию состоятельный родственники – семья знаменитого математика и музыканта, профессора МГУ Георгия Евгеньевича Шилова (1917–1975)³. В шиловском доме Мария (тогдашняя Машенька Будкова) впервые прочла роман «Доктор Живаго» в самиздатной версии.

Свое высшее образование Мария получила в стенах хотя и не привилегированного, но уникальнейшего в те поры Московского государственного историко-архивного института – гуманитарного института, где приоритет уделялся не идеологической «накачке», но – с самых первых студенческих дней – углубленной работе с документальными источниками. Среди ее воспитателей на вузовской скамье следует отметить историографа Ивана Архиповича

² Вспомним залихватский пассаж из «Пощечины общественному вкусу»: «Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам... и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным» ([URL: //ru.wikipedia.org/wiki/Пощечина...](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пощечина...) Дата обращения: 07.06.2024). Чем обидно необходимое людям ремесло портного – ума не приложу...

³ Георгий Евгеньевич, бывший фронтовик и кавалер ордена Красной Звезды, которым был удостоен за математическое обеспечение советской зенитной артиллерии, безвременно скончался, затравленный университетским партийным начальством. А за университетской травлей стоял Московский обком КПСС во главе – по существу – со злополучным Владимиром Ягодкиным. Та же парторганизация МГУ разгромила и созданную тетушкой Марии – Софьей Владимировной Шиловой – студию детского художественного развития «Орленок». Уникальные сведения о семействе Шиловых содержатся в материалах личного фонда педагога и хореографа Стефаниды Дмитриевны Рудневой – ЦГА г. Москвы, ф. Л-140.

Кудрявцева, Сигурда Оттовича Шмидта⁴, документоведа Константина Григорьевича Митяева, историка культуры советского периода Людмилу Марковну Зак (ветерана Великой Отечественной)⁵, но прежде всего – незабвенного Александра Александровича Зимина⁶. Среди ее институтских приятелей хотелось бы вспомнить таких будущих историков, как Евгений Бениаминович Бешенковский, Евгений Михайлович Добрушкин, Павел Николаевич Зырянов, Валерий Сергеевич Мингалев.

Летом 1968 г. Мария успешно защитила написанную под руководством А. А. Зимина дипломную работу «Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» как исторический источник»⁷. В те годы, еще за два десятка лет до перестройки, этот кареевский текст существовал лишь в рукописи⁸, так что свет он увидел лишь 22 года спустя после защиты диплома⁹.

Зашита не обошлась без неприятного курьеза. Один из тогдашних «ревнителей», еще в последний год жизни Сталина опозоривший себя травлей глубокого источниковеда и археографа Сигизмунда Наташевича Валка, высказал недоумение: как можно было допускать к защите работу о «буржуазном» историке, которого-де разоблачал сам «основатель русского марксизма» Г.В. Плеханов?¹⁰ Однако положение спасли как авторитет Зимина, так и одиозность самого «ревнителя»: на дворе стояли шестидесятые, уже означененные кровавыми бойнями в Новочеркасске и Кропоткине, означененные партийными дебошами против религии и интеллигенции, но еще не омраченные интервенцией против народов Чехословакии...

⁴ См.: История как чтение Mира, или философствование на Арбате: из воспоминаний о С. О. Шмидте // Ращковский Е.Б. Философская планета Арбат: Книга воспоминаний. М.: Новый хронограф, 2019. С. 106–122.

⁵ Под руководством Людмилы Марковны Мария писала одну из своих курсовых работ. Работа была посвящена теме крестьянского вопроса в литературных журналах 1920-х гг.

⁶ См.: Ращковский Е.Б. Мысль на распутье: об А.А. Зимине // История и архивы. М., 2021. № 1. С. 139–155.

⁷ Единственную печатную ссылку на дипломную работу Марии см.: Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa: KiW, 1980. S. 104–154.

⁸ РО ГБЛ. Ф. 119: Н.И. Кареев. П. 44. Ед. хр. 1–13.

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.

¹⁰ Кареев же писал в мемуарах о недобросовестности плехановских нападок (Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 369–370).

А далее последовало распределение по вызову из Центрально-го государственного архива литературы и искусства СССР¹¹, где Мария ранее проходила свою студенческую практику. Этому замечательному учреждению культуры российской Мария посвятила полвека своей жизни¹². Причем большая часть времени ее пребывания в стенах архива было уделено Отделу научного описания фондов личного происхождения.

Что же касается архивных и археографических открытий Марии, то они касаются таких базовых фигур нашей культуры, как (прежде всего) – Л.Н. Толстой (через посредство его круга и участников толстовского движения в России и в Европе), М.И. Цветаева, Велемир Хлебников, С.Н. Дурылин, Д.С. Самойлов. Но все же самой главной и самой любимой фигурой ее научных и человеческих интересов, главным «героем» ее жизни и исследований, ее находок и публикаций был Борис Пастернак.

* * *

Вообще труд археографа – труд нелегкий: разбор почерков, выявление ошибок и разночтений, атрибуция, датировка, комментирование, корректная передача текста и его подготовка к типографскому циклу. Но одно дело – труд археографа, работающего в читальном зале архива по предварительно обработанным и поданным тебе на стол документам, – но кольми паче сложен был труд Марии в ее Отделе научного описания, когда иной раз приходится работать с россыпями бумаг. Труд сродни одновременно труду и мусорщика, и ювелира¹³.

Этот тяжелый, но творчески напряженный труд может иметь одну неприятную издержку чисто медицинского свойства: работа со старыми бумагами иной раз провоцирует болезни дыхательных путей и легких. Так оно и случилось летом 1976 года: у Марии диагностировали туберкулез легких. Работа над громадным рукописным фондом С.Н. Дурылина совпала с ее заботами по уходу за умирающей сестрой¹⁴.

¹¹ ЦГАЛИ СССР, позднее – РГАЛИ.

¹² Подробнее о вехах работы Марии в архиве и о ее награждениях, столь мало ее занимавших при жизни, см.: Памяти М.А. Рашковской. URL: [//rgali.ru/news-new/920](http://rgali.ru/news-new/920) (дата обращения: 09.06.2024).

¹³ Для того чтобы уяснить все сложности и тяготы этого труда, неплохо было бы обратиться к изданию, разработанному при активном участии Марии: Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М.: ГАУ при Совмине СССР; ЦГАЛИ СССР, 1990.

¹⁴ Любовь Аркадьевна Будкова (1942–1976) – искусствовед, создательница полного каталога произведений Павла Варфоломеевича

Вернусь, однако, к архивным трудам Марии. Были случаи, когда из собственно-макулатурных или полумакулатурных материалов, она – по знанию почерков и манер письма – извлекала документы воистину бесценного свойства. Что же касается материалов пастернаковских, то ею были обнаружены и возвращены в мир культуры тексты, находившиеся на грани гибели¹⁵: переписка; эссеистика (краткий очерк о Тарасе Шевченко и его месте в истории европейской культуры); поэзия (перевод сонета Олдженерона Чарлза Суинберна «Джон Форд»); Петербургская проза¹⁶.

Вообще на всем протяжении ее «пастернаковой архивной эпохи» Марию связывала глубокая и – не побоюсь сказать – нежная дружба с крупнейшими исследователями творчества поэта – Евгением Борисовичем (1923–2013) и Еленой Владимировной (1936–2020) Пастернак и Лазарем Соломоновичем Флейшманом. С Еленой Владимировной – в особенности.

Далее. Внушителен один лишь список имен (кроме Пастернака и других драгоценных для нее имен, указанных выше), архивное наследие которых вошло ее трудами в научный и общекультурный оборот. Избегая необходимости разнесения этих имен по хронологии и по объективной художественной и нравственной значимости их наследия, предпочтут перечислить их лишь в порядке кириллического алфавита. Но все они достаточно известны и ярки. Как говорится в самом начале Книги Исхода (1:1), – «И вот имена (*פַּנְאַחַד*)»: Иван Аксенов, Сергей Бобров, Валентин Булгаков, о. Сергей Булгаков, Яков Голосовкер, Николай Кареев, Наум Коржавин, Эль Лисицкий, Казимир Малевич, Владимир Маяковский, о. Александр Мень, Ксения Некрасова, Жозефина Пастернак, Илья Сельвинский, Константин Симонов, Александр Фадеев, Роберт Фальк, Николай Харджиев, Марк Шагал, Сергей Шервинский, Илья Эренбург.

А среди деятелей мировой культуры в пастернаковских материалах обнаруживаются блистательные имена поэтов Владислава Броневского и Ондры Лысогорского, богослова Томаса Мертона, публициста и поэта Франко Фортини, философа и науковеда

Кузнецова (1878–1968), жена художника Михаила Николаевича Одноралова (1944–2016).

¹⁵ Для того чтобы всерьез осмыслить уязвимость драгоценных рукописей «сквозь прошлого *перипетии*», с войнами и террорами этого самого прошлого, предлагаю читателю вспомнить фильм «Вкус солнечного света» Иштвана Сабо (1999).

¹⁶ См. приложенную к статье библиографию трудов Марии Аркадьевны.

Эриха Янча...¹⁷ Из этого круга выявленных и опубликованных документов мы узнаем вещи воистину удивительные.

Иван Аксенов, боевой офицер русской армии в Первую мировую, из фронтового блиндажа, через полевую почту, поддерживает публикацию ранних переводов Пастернака; Сергей Шервинский участвует в спасении Голосовкера, своего антагониста в трактовке античных сюжетов, от голода и чекистских преследований; старые друзья поэта расходятся в оценках первых глав романа: восторженное восприятие Дурылина versus тотальное неприятие со стороны Боброва¹⁸.

Во всяком случае все материалы, касающиеся Пастернака, свидетельствуют о нем не только как о великом российском, но и как о мировом, кафолическом Поэте. Поэте, понятом в міре ранее, нежели в собственной стране.

* * *

В беседах со мной ее коллеги по архиву подчеркивали не только широту и глубину ее познаний, ее исторических и общекультурных ассоциаций (то самое, что я называю в своих работах Чтением Мира, или Чтением Миротекста), но и ее интеллектуальную и духовную щедрость: сама перегруженная всевозможными заботами и трудами, она не щадила времени и сил для консультирования коллег¹⁹.

А что есть чтение Мира и чтение истории, как не умение видеть и понимать судьбы конкретных людей – живых и отошедших – в конкретных обстоятельствах национальной и глобальной жизни? – Так что внимание к историческим документам и внимание к живым людям – вещи взаимосвязанные.

Боюсь, что такого рода двустороннее внимание – это лишь Дар. Как и Любовь. Дар можно разбудить в человеке, этим Даром можно заразить. Как не вспомнить при этом слова Спасителя: «даром получили, даром давайте» (Мф 10:8). Однако всерьез Дару научить нельзя. Разве что немного подучить...

Коллеги справедливо подчеркивали основательность археографической отделки публикуемых Марией документов. А за этой основательностью угадывается не только трудолюбие и мастер-

¹⁷ См.: Рашковская М.А. «По кошачьим следам и по лисьим...»: Письма читателей о романе «Доктор Живаго» // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 г. в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшимана. М.: Азбуковник, 2015. С. 310–363.

¹⁸ И это при том, что поэт высоко оценил бобровские переводы Стендаля.

¹⁹ Один из мудрецов Талмуда, Иоанн бен Заккаи, говорил, что «человек, избравший добный путь», должен быть, как «без устали бьющий родник» (Пиркей Авот, цикл 2, мишны 10, 13. – Перевод мой. – E. P.).

ство, но и ее забота о читателе: стремление не только ввести читателя в содержательную глубину документа, но и развить в нем – по мере его способностей – хотя бы элементарные *навыки соотнесения* судеб, явлений и вещей. Так что подлинный археограф, каковым и была Мария, волей-неволей оказывается в положении не только просветителя, но и – в некотором роде – воспитателя... Коллеги также отмечали ее непримиримое и брезгливое отношение ко всем тоталитарным посягательствам на внутреннюю свободу мысли и культуры.

* * *

Связь ее интеллектуальных и чисто человеческих дарований подчеркивалась сочетанием ее редкой скромности с изысканной внешней красотой. На разных этапах жизни в нее влюблялись многие мужчины, а она принимала знаки их внимания с недоступной снисходительностью королевы.

А собственную семью она мужественно вела сквозь долгие годы нищеты и травли, а позднее – сквозь годы относительного комфорта и успеха. И детей своих – адвоката Анну и историка-гебраиста Бориса – она воспитала интеллектуальными, открытыми и добрыми. (Кстати – об именословии детей: оно предполагало и напоминания об отошедших родных, и – одновременно – о двух великих русских поэтах XX столетия).

Она была человеком глубокой, искренней и ненавязчивой христианской веры. И не случайно ее дарили вниманием и любовью великие православные священники: о. Александр Мень (1935–1990) и о. Георгий Чистяков (1954–2007). А ныне здравствующий иеромонах Джованни Гуйата писал мне о «непостижимой, неоценимой (*indimenticabile*) Маше»²⁰.

Не могу еще не упомянуть одного редкого ее дара – дара «ахават Исраэль – אהב ישראל» (любви к еврейскому народу). Это дар, весьма редкий на Земле (даже и в еврейской среде), но его носителями были Адам Мицкевич, Владимир Соловьев, Владимир Короленко...

* * *

Два слова о ее художественных пристрастиях.

Разумеется, главной ее поэтической любовью был Пастернак, а самым любимым его стихотворением был вольный перевод из Рильке («Созерцание»). В этом стихотворении, которое она как-то удивительно читала на одном из Пастернаковских вечеров в Библиотеке иностранной литературы – вся суть ее отношений к Богу и к Mipy.

²⁰ Письмо из Испании от 17 мая 2924 г.

Из старой русской поэзии она особенно любила пушкинские стихи Каменноостровского цикла (и прежде всего – «Из Пиндемонти»²¹) и перевод «Трех Будрысов» Мицкевича. Она вообще чувствовала и любила Польшу, отчасти воспринимая внутренние смыслы этой страны через кинематограф Анджея Вайды. Наше двухнедельное пребывание в Кракове в яростную июньскую жару 2019 г. (поляки говорили: *żartropikalny*) было для нас полосой особого счастья.

Кстати, о Польше. Одним из самых любимых ею поэтов XX столетия был Леопольд Страфф, которого она знала в моих переводах²², а из русских – Давид Самойлов, впитавший глубокие традиции не только родной, русской, но и польской поэзии. Польский след в поэзии Пастернака также входил в круг ее особых интересов. Не ведаю, как без ее помощи сумел бы я написать свои работы о Мицкевиче и о Пастернаке...

Музыка. С особым волнением и наслаждением слушала она Моцарта и Шопена. И все же самым любимым ее музыкальным шедевром был фортепианный концерт Грига. И в особенности – *Allegro molto moderato*.

Из русских же песен и романсов более всего волновали ее те, что положены на стихи великой плеяды дворянских поэтов: Пушкина, Боратынского, Лермонтова, Вяземского, А.К. Толстого, Тютчева, Фета. Они служили немалым утешением последних месяцев ее жизни.

Из живописи она более всего любила картины французских импрессионистов (в расширительном толковании этого понятия) и русских художников *belle époque* (от Серебряковой до супрематистов).

* * *

Мы стали мужем и женой в первый день нашего знакомства. И с тех пор – почти шесть десятков лет верности и неописуемого, волшебного счастья. И оглядываясь на все эти годы жизни Марии (Машеньки!), постоянно вспоминаю строки Пастернака:

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

²¹ Она постоянно твердила эти стихи в ходе нашего двукратного пребывания в Италии.

²² Рашковский Е.Б. Проснувшееся Слово: Страницы славянских поэзий XIV–XX вв. М.: Азбуковник, 2017. С. 47–58.

Не ведаю, знал ли Борис Леонидович или просто чувствовал интуицией гения, что Пространство – одно из талмудических именословий Бога (ха-Маком – מְקוֹם).

На моих глазах прошла жизнь Марии, изначально отмеченная любовью Пространства.

Приложение

Мария Аркадьевна Рашковская (1944–2023)

Библиография трудов

Путеводитель по критике [рец: Советское литературоведение и критика: Книги и статьи: 1917–1962. М.: Наука, 1966] // Вопросы литературы. М., 1966. № 10. С. 198–200 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

Из мемуаров Н.И. Кареева. [Вставная глава о революции] // Материалы XXIII научной студенческой конференции. Humaniora I. Тарту, 1968. С. 268–296 (ксерокс). [Запрещено цензурой].

О мемуарах Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» как источнике по истории интеллектуальной жизни России конца XIX в. // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 384–391 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским) (петит, б/ф).

[Участие в авторском коллективе:] Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Вып. 4: Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1967–1971 гг. М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1975. 571 с.

Марина Цветаева за рубежом (Письма М.И. Цветаевой к В.Ф. Булгакову): [1926–1927] // Встречи с прошлым. [Вып. 1]. М.: Советская Россия, 1976. С. 213–220.

[Участие в авторском коллективе:] Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Вып. 5: Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1972–1974 гг. М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1982. 497 с. О людях, о годах, о жизни (Письма к Илье Эренбургу) // Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Советская Россия, 1984. С. 338–355.

[Порядка 30 тыс. писем за 1940–1960-е гг.: письма с фронтов Великой Отечественной войны, письма писателей, отклики на мемуары «Люди, годы, жизнь», письма с просьбами о помощи и поддержке.]

Сонет Сунберна [“John Ford”] в переводе Бориса Пастернака // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1984. № 6. С. 544–550 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

- В поисках сути искусства (Письма Р.Р. Фалька к С.Н. Дурылину) [1920–1928] // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 169–179.
- Две судьбы (Б.Л. Пастернак и С.Н. Дурылин: Переписка) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1990. С. 366–407.
- [Участие в авторском коллективе:] Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1990. 256 с.
- «Сознание личной правоты»: Новое из творческой биографии [Б.Л. Пастернака] // Наше наследие. М., 1990. № 1 (13). С. 39–48, илл. (б/ф).
- Две судьбы (Пастернак и Дурылин: К истории взаимоотношений) // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. [Вып. 1]. М.: Наследие, 1992. С. 235–244.
- «Милые братья и сестры...»: Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира: История и современность: Ежегодник: 1989–1990. М.: Восточная литература, 1993. С. 154–168 (в соавторстве в Е.Б. Рашковским).
- «Я не матерьялист...»: из переписки Бориса Пастернака 30–50-х годов // Путь: Международный философский журнал. М., 1995. № 8. С. 318–333 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).
- [Адресаты: В.П. и К.А. Полонские и З.А. Никитина: К публикации также приложено письмо А.А. Фадеева к К.М. Симонову с издательским отзывом о стихах Пастернака и с распоряжением «задержать» их печатание.]
- Борис Пастернак и Сергей Бобров: переписка четырех десятилетий. Stanford: Stanford Slavic Studies, 1996. 163 с.
- Пастернак о Маяковском // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1998. С. 355–361.
- С.Н. Дурылин: Москва // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 2000. С. 134–190.
- «Кафолическая красота»: Письма С.Н. Булгакова С.Н. Дурылину [1912–1924] // Рашковский Е.Б. Профессия – историограф: Материалы к истории мысли и культуры XX столетия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 42–58 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).
- История одного рояля фабрики Штюрцвеге // Наше наследие. 2002. № 61. С. 89–90, илл. (б/ф).
- [Музыкальные и художественные контакты С.Н. Дурылина.]
- Борис Пастернак и Тарас Шевченко // Егупець: Художно-публицистичний альманах Інституту юдаїки. К., 2004. С. 348–352 (петит).

[В статью входит полный текст недатированного пастернаковского эссе о Шевченко (март 1946?). По мысли Марии Аркадьевны, работа Пастернака над переводом поэмы Шевченко «Мария» связана с творческой предысторией стихотворения «Рождественская звезда» и – шире – самогó Романа.]

Борис Пастернак и Шевченко: Неизвестные строки // Открытый архив. Т. 1. Киев: Критика, 2004. С. 346–349.

[Участие в авторском коллективе мультимедийного проекта:]

Борис Пастернак: Мой Мир, мой Дом: Виртуальный музей / РГАЛИ, Музей Бориса Пастернака в Переделкино, РГРФ, Бюро ЮНЕСКО в Москве. DVD-ROM. М., 2009.

Неизвестные рецензии на первые книги Бориса Пастернака: Сергей Бобров. Казначей последней планеты // *Va, pensierosull'alidorate: Из истории мысли и культуры Востока и Запада*: Сб. статей к 70-летию Е.Б. Ращковского / отв. ред. Т.Г. Скороходова. М.: Рудомино, 2010. С. 364–386.

Сергей Дурылин: человеческий след в архивном фонде // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования / сост., ред., предисл. А. Резниченко. М.: М. Колеров, 2010. С. 13–28.

«Минуты роковые» российской истории в дневниках Сергея Дурылина // Наше наследие. 2011. № 100. С. 128–150, илл. (б/ф).

Письма Сергея Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак: Еще раз к вопросу о Борисе Пастернаке и христианстве // *Vademecum: к 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 594–608 (в соавторстве с Е.Б. Пастернаком и др.).

К документальной истории русского авангарда (Николай Иванович Харджиев в документах его фонда в Российском государственном архиве литературы и искусства) // Материалы международной научной конференции «Возвращение авангарда», 14 июля 2004 г., Одесса. Одесса, 2012. С. 26–35 (б/ф).

Б.Л. Пастернак: proetcontra. Т. 1 / сост., comment. Ел.В. Пастернак, М.А. Ращковской, А.Ю. Сергеевой-Клятис; вступ. ст. Е. Б. Пастернака. СПб.: РХГА, 2012. 1128 с.

То же. Т. 2. СПб.: ББИ, 2013. 926 с.

«Сумрак ночи» вокруг художника, или Игра «энкавидимок» // «Объятье в тысячу охватов»: Сб. материалов, посвященных памяти Е.Б. Пастернака и его девяностолетию. СПб.: РХГА, 2013. С. 210–223.

Церковная традиция и юношество в воспоминаниях С.Н. Дурылина // Творческое наследие С.Н. Дурылина: Сб. статей. М.: Свидетель, 2013. С. 19–31.

[Публикация:] Дурылин С.Н. В родном углу; Москва; В зале Консерватории // Дурылин С.Н. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Журнал «Москва», 2014. С. 11–445.

Церковь, пастырь, молодежь: Страницы из воспоминаний С.Н. Дурылина // Там же. С. 477–484.

«...Я так люблю Ваши письма...»: Переписка С.П. Боброва и Ж.Л. Пастернак (1920–1970-е гг.) // Наше наследие. 2014. № 109. С. 54–75, илл. (б/ф).

Успение – 1990 // На пороге бессмертия: Последние встречи с отцом Александром Менем: Свидетельства. М.: Рудомино, 2015. С. 60–61 (б/ф).

Из архивного наследия Я.Э. Голосовкера // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М.: РОССПЭН, 2017. С. 378–387 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

[Письма Андрею Белому (1920–1921?), С.В. Шервинскому (1942); стихотворение «Светобесие», посвященное памяти поэта и шахматиста Владимира Ильича Нейштадта (1898–1959).]

«По кошачьим следам и по лисьим...»: Письма читателей о романе «Доктор Живаго» // Новое о Пастернаке: Материалы Пастернаковской конференции 2015 г. в Стэнфорде / под ред. Л.С. Флейшмана. М.: Азбуковник, 2017. С. 310–363.

[*Публикация:*] Бобров С.П.: Письма к Б.Л. Пастернаку // Борис Пастернак в письмах, дневниках и воспоминаниях современников. М.: Новый хронограф, 2021. С. 93–102; *Дурылин С.Н.* Из автобиографических записок «В своем углу» // Там же. С. 86–92.

Postscriptum. Опубликованные Марией Аркадьевной оригинальные тексты Пастернака вошли в 11-томное полное собрание его сочинений (М.: Слово, 2003–2005). К сожалению, из-за непоправимого компьютерного сбоя научно-справочный аппарат издания оказался отчасти дефектным.

Далее. При составлении настоящей библиографии я имел возможность работать лишь с изданиями, хранящимися в нашей семейной библиотеке. Может быть, когда кончатся (если вообще кончатся) «следы разгрома» в российском библиотечном деле, сумею дополнить эту библиографию новыми позициями. Е. б. ж.

Так что считаю эту публикацию работой лишь предварительной.

Приношу сердечную благодарность за помочь в работе над столь важной для увековечения памяти Марии Аркадьевны статьей ее друзьям и коллегам: Иосифу Львовичу Беленькому, Елене Борисовне Бирюковой-Лурье, Елене Владимировне Бронниковой, Ларисе Николаевне Простоволосовой, Борису Евгеньевичу Рашковскому, профессору Татьяне Григорьевне Скороходовой, Габриэлю Гавриловичу Суперфину, Виктории Николаевне Тороповой, Ольге Вадимовне Турбиной-Черных, профессору Лазарю Соломоновичу Флейшману.

И пусть эта статья также будет скромным даром памяти самых близких ее друзей: Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак.

*E. P.,
Май–июнь 2024.*

Информация об авторе

Евгений Б. Ращковский, доктор исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eug.rashkov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-6048-5722

Information about the author

Evgenii B. Rashkovskii, Dr. of Sci. (History), Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia; 23, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117997; eug.rashkov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-6048-5722